

В.В. Верещагин – И.А. Шляков
(документы и парадоксы текстологии)
К 165-летию со дня рождения И.А. Шлякова

Е.В. Ким

«Когда исследователь, пораженный какой-нибудь ошибкой в области истории, пытается ее исправить, это чуть ли не всегда считают верхом нелепости».

*Оноре де Бальзак.
Из «Философских этюдов»*

Считать исправление своих или чужих печатно допущенных ошибок «верхом нелепости» – конечно же, грубое нарушение основ профессиональной этики в области любой науки, а не только исторической. Или, говоря точнее, это отрицание самих целей, смысла и способа ее, науки, существования. Впрочем, в ироническом замечании классика французской литературы мысль акцентируется не столько на добросовестности некоего абстрактно обозначенного исследователя-историка, который, движимый профессиональным долгом, пытается, в большом или малом, преодолеть ошибочные представления в своей области знания, сколько на последствиях этих попыток, не находящих должного понимания у его коллег и, возможно, в обществе в целом. Во всяком случае, склонный к философским обобщениям писатель засвидетельствовал определенную интеллектуально-психологическую черту, присущую его современникам. В наше же смутное не только в научном отношении время такое «исправление» считается иной раз деянием, которое обиженным по этому поводу изрядно «наошибавшимся» авторам мнится наказуемым морально, административно и едва ли не в судебном порядке. Культивируя подобное «вывернутое» самоощущение собственной «неприкасаемости», легко дойти до утверждения, что в ошибках, искажающих факты, виноват не тот, кто их допустил, но тот, кто имел неосторожность (смелость, принципиальность) остановить на них критический взгляд. Не от того ли в сложном «кружевоплетении» современных научных и псевдо-научных представлений за факты, случается, выдается, с легкостью необыкновенной, и нечто иное. Иное до противоположности...

В предлагаемых критических заметках как раз речь и пойдет об изделиях кружевоплетения, но не в переносном, а в прямом смысле слова и применительно к деятельности В.В. Верещагина – коллекционера этого вида прикладного искусства в Ростове Великом и других городах Верхнего Поволжья на рубеже 1880-1890-х гг. Главным же образом, как вкладчика коллекции кружев в Ростовский музей церковных древностей летом 1888 г. – дара, чья история получила отражение в целом ряде источников, включая письма художника, хранящиеся в ГАЯО и ОР ГТГ, адресатом которых, за малыми исключениями, был И.А. Шляков. Перу последнего принадлежит и несколько других рукописных и опубликованных документов первостепенного значения для указанной темы, в которых отражена важная его роль в собирательской деятельности Верещагина.

Эта тема была предметом специальной и сравнительно недавней статьи Е.В. Брюхановой «Коллекция кружев, принесенная в дар В.В. Верещагиным Ростовскому музею»¹. Недостаточный круг привлекаемых в этой работе документальных источников, не только архивных, но и опубликованных, их некритическое использование, до парадоксальности низкий, с точки зрения текстологии, уровень конкретности и точности при их упоминании и цитировании, и, следовательно – интерпретации, не говоря уже о крайне слабом и приблизительном знании биографии художника, вынуждают печатно высказаться, не в первый уже раз, по поводу более чем своеобразной и сомнительной «методологии» в публикациях названного автора².

Выявление «парадоксов текстологии» в указанной статье – от допускаемых Е.В. Брюхановой навязчиво постоянных ошибок в датах, обрывочного цитирования документов, искажающего их содержание, до откровенной фальсификации источников, сведений и конкретных текстов – неизбежно следует соединить с исследованием о Верещагине-коллекционере русского кружева, тем более что этой теме до сих пор не было посвящено ни одной специальной работы биографического характера. Разумеется, автор настоящей статьи, не будучи специалистом в области кружевоплетения и не имея, с другой стороны, многолетнего опыта писать о том, что знает плохо или не знает совсем, не касается технологических или стилистических проблем, равно как и атрибуционных вопросов этого вида прикладного искусства, оставаясь в непритязательной позиции внимательного читателя и исследователя относящихся к теме разнообразных документальных источников, привлекаемых и анализируемых в возможной полноте.

Давно опубликованное и широко известное (правда, не всем) мнение В.В. Верещагина о ценности русского кружева, достойного

быть представленным в музейных коллекциях Западной Европы (конкретно, в Кенсингтонском музее в Лондоне), относится к 1879 г., т.е. ко времени задолго до его приездов в Ростов Великий и последующего переселения на постоянное жительство в Россию³. Это высказывание проливает свет на ценностно-осмысленный характер будущего, состоявшегося девять лет спустя, его дара кружев в Ростовский музей, равно как и на собирание образцов разнообразных кружевных изделий для собственной коллекции. Впервые приехав в Ростов Великий в последние дни декабря 1887 г. по старому стилю (в конце первой декады января 1888 г. – по новому), художник-коллекционер вскоре понял, сколько возможностей представлялось здесь для собирания разнообразных предметов старины и народного искусства, тем более перспективного, что знающим толк в этом деле и верным ему помощником окажется новый его знакомый – хранитель местного музея И.А. Шляков. Нельзя исключить, несмотря на отсутствие документального подтверждения в известных сейчас источниках, что уже во время первого пребывания Верещагина в Ростове в январе-феврале 1888 г., включая поездку в Кострому и окрестности Ярославля, какое-то место в комплектовании его коллекции занимали поиски и приобретение кружевных изделий для их экспонирования на персональной апрельской выставке художника того же 1888 г. в Париже. Если это предположение верно, то собранные тогда кружева сразу же были увезены самим Василием Васильевичем, отправившимся 24 февраля из Ростова в Москву и оттуда, после 3 марта, в Париж⁴.

В литературе давно зафиксирован широкий интерес к русскому кружеву в последней четверти XIX в. на Западе, и особенно во Франции, где художник более десятилетия проживал, временами наведываясь в Россию. Считается, что мода на кружево из России в странах Западной Европы получила распространение после Всемирной выставки 1873 г. в Вене⁵. Этот интерес, переросший в моду, рано или поздно не мог не задеть и Верещагина, с 1880-х гг. увлекшегося отечественной стариной, народным и церковным прикладным искусством и тогда же начавшего собирание своей знаменитой «русской коллекции», в которую на каком-то этапе ее комплектования войдет и кружево. При всем этом, неверно было бы забывать о прямом влиянии на становление интересов художника к подобного рода произведениям еще в конце 1870-х гг. со стороны В.В. Стасова⁶. Немалое место «образцы» кружев займут в «синтетических» экспозициях его персональных выставок, зарубежных и российских, конца 1880-1890-х гг.

Современные исследователи русского кружева, насколько нам известно, прошли мимо одного весьма ценного свидетельства 1880-х гг. о моде на эти изделия и характере их использования

во Франции. Это свидетельство способно пролить свет и на интерес к ним Верещагина-коллекционера, а затем – продавца крупной коллекции произведений русского прикладного искусства, современных и старинных, в том числе кружевных, на нью-йоркском аукционе 1891 г.⁷ Признанный в то время в качестве безукоризненного знатока ручных и фабричных изделий галантерейной промышленности разных стран Запада и Востока, продававшихся в фешенебельных специализированных магазинах Парижа, писатель Эмиль Золя в 1883 г. засвидетельствовал, что русское кружево, которым здесь торговали как предметом роскоши, использовалось в привилегированных слоях французского общества, причем исключительно в столовом белье⁸, т.е. в скатертях, разного рода салфетках, полотенцах и т.п. Во многих случаях народное по происхождению, грубоватое, сравнительно с утонченными изделиями прославленных западно-европейских центров кружевоплетения (Брабант, Алансон и др.), выразительно-фактурное, с загадочно-экзотическими и архаическими орнаментальными и изобразительными мотивами, русское кружево нашло на Западе применение, лишь в какой-то степени совпадающее с его функциями в российском быту. Из контекста свидетельства Э. Золя, говоря кстати, внимательно читавшегося Верещагиным⁹, можно сделать вывод, что изделия эти не принадлежали к числу самых дорогостоящих в системе бешеных и постоянно раздувавшихся цен в мировой столице мод – Париже¹⁰. С другой стороны, следует особо отметить, что довольно дорогие на Западе, в России и, в частности, в Ростове и Ярославле, интересные и редкие по рисунку льняные или комбинированные по материалу кружева можно было приобрести практически за бесценок, по выражению самого художника, на один-два «десятка рублевиков» за целую партию¹¹.

Однако, прямых свидетельств собирания Верещагиным этого вида прикладного искусства в первый его приезд и пребывание в Ростове в январе-феврале 1888 г. в указанной переписке и в других источниках не зафиксировано. В своем письме к И.А. Шлякову из Москвы от 3 марта того же года, в котором перечисляются предметы, желательные для дальнейшего приобретения в его коллекцию (редкие по форме или высокохудожественные произведения мелкой пластики, ювелирные изделия и, особенно, эмали), Верещагин о кружевах не упоминает¹². Из одной близкой по времени газетной публикации о его персональной парижской выставке, открывшейся 1 апреля (по нов. ст.) того же 1888 г., следует, что в ее экспозиции имелись «столы с коллекциями Верещагина»¹³. Но каких-либо данных о составе этих «коллекций» и о том, было ли там представлено кружево, в известных нам источниках, в том числе, во франкоязычном каталоге парижской выставки 1888 г., не обнаруживается¹⁴.

Каталог нью-йоркской выставки (открылась 1 ноября того же 1888 г.) уже содержит в себе состоявший из 35 номеров раздел «Ancient Russian Applied Art as seen in different Objects in Household Use» («Старинное русское прикладное искусство в разных предметах домашнего обихода»)¹⁵. Здесь под тремя номерами упоминаются кружевные изделия, выполненные в различных материалах: «Hand-made lace taken from towels, bed-spreads and so forth» («Ручной работы кружева, взятые с полотенец, простыней и т.д.»); «Silk Lace» («Шелковые кружева»); «Gold and silver lace and galoons» («Золотые и серебряные кружева и галуны»)¹⁶. К сожалению, по процитированному каталожному описанию не представляется возможным судить о количестве экспонировавшихся кружев. Неясно также, выставлялась ли часть этой коллекции уже в Париже или целиком была привезена Верещагиным в Нью-Йорк непосредственно к открытию выставки осенью 1888 г., как это произошло с рядом картин художника и предметов из этнографических коллекций, собранных в странах, где ему довелось работать, в том числе в России¹⁷. Но в любом случае, среди них уже находились кружевные концы с полотенец, приобретенные им весной-летом 1888 г. в Верхнее-Волжском регионе¹⁸. Показательно, что в тогдашней прессе была отмечена заметная роль кружев в экспозиции выставки. «Тонкий вкус художника, – писала корреспондент петербургской «Биржевой газеты» из Нью-Йорка, – сказался в той обстановке, которою он (Верещагин – Е.К.) окружил свои картины на выставке, в мастерском расположении драпировок, ковров, оружия, старинных русских материй, **кружев** (выделено нами – Е.К.), головных и других украшений, древних кубков и других драгоценностей Верещагинской коллекции»¹⁹.

Первое по времени документальное подтверждение собирания Верещагиным русских кружевных изделий относится как раз ко второму в 1888 г. его приезду в Россию и пребыванию в Ярославле, Костроме, Макарьеве, Юрьевце и Ростове более чем за полгода до открытия нью-йоркской выставки – с конца апреля-начала мая по 25 июля того же года. На этот период и приходится приобретение им кружев, часть которых (десять имевшихся у Верещагина в дубликатах «кружевных узоров») тогда же и составила принесенную в дар Ростовскому музею коллекцию – во время оставшегося неизвестным Е.В. Брюхановой месячного пребывания художника в пригороде Ростова («на Ишне») с 26 июня по 25 июля 1888 г.²⁰ Вышеперечисленными городами Верхнего Поволжья, включая Ростов, ограничивается и географическая зона приобретения этой коллекции кружев, частично атрибутируемых Е.В. Брюхановой как ростовские под вопросом или аналогичные изделиям, также происходящим из Верхнее-Волжского региона (Ярославская губ.)²¹ Оба эти обстоятельства не учтены исследовательницей, слабо представляющей

себе маршруты путешествий художника, предшествовавшие его «кружевному» дару в Ростовский музей. В результате однозначно документированная по времени и довольно ограниченному географическому ареалу история комплектования подаренной коллекции излагается ею в гадательных предположениях, не соответствующих действительности – «мог купить «в Москве», **«на родине в Вологодской области»** (выделено нами – Е.К.)²² Несколько забегаая вперед подчеркнем, что сам Василий Васильевич вполне определенно ассоциировал свой «кружевной» дар с поездкой на Унжу и собирательской деятельностью в церквях Костромской епархии в первой декаде мая 1888 г.²³ Отметим, кстати, как весьма показательное, «открытие» Е.В. Брюхановой в «Вологодской области» «родины» художника, появившегося на свет, по собственному, опубликованному в его «Автобиографии» и ранее никем не оспаривавшемуся заверению, в городе Череповце Новгородской губернии²⁴. Принадлежность его к новгородской ветви дворян Верещагиных подтверждается и родословными книгами, материал которых также опубликован²⁵.

Неизвестной нашей исследовательнице-специалистке оказалась и дальнейшая судьба дубликатов принесенных в дар Ростовскому музею кружев, оставшихся в собрании Верещагина, и опубликованный на английском языке документальный материал, проливающий свет на состав утраченной ныне верещагинской коллекции кружевных изделий, часть которой и составляли эти дубликаты²⁶.

Обращаясь непосредственно к статье Е.В. Брюхановой, следует недвусмысленно подчеркнуть, что нарушения общепринятых норм ссылок на документы и их фальсификация начинается здесь не просто с первой страницы, но, буквально с первой строки. Автор заявляет, что подаренные художником «кружева поступили в музей в 1887-1888 гг., о чем есть запись в книге поступлений»²⁷. При этом, какие-либо ссылки на соответствующую «книгу», ее номер, пагинацию, инвентарные номера или даты поступления упоминаемых экспонатов в статье, претендующей на научное значение, полностью отсутствуют. В самом же процитированном тексте Е.В. Брюхановой бросаются в глаза нелады с элементарной логикой, не говоря уже о грамматике: если кружева поступали не в один год, то в «книге поступлений» должна быть не «запись» об этом, но соответствующее число записей. Конкретные ссылки на документы отсутствуют и в примечаниях 6 и 7 к рассматриваемой статье, в которых называется уже не «книга», а некие «Книги поступлений Музея Церковных Древностей за 1883-87 и 1888 гг.»²⁸. Эти неконкретные и, как нам предстоит убедиться, абсолютно беспочвенные утверждения не соответствуют действительности. На самом деле, автор статьи незнакома с подлинными первоначальными Книгами поступлений за первые годы существования Ростовского музея, в том числе с единственной Кни-

гой, содержащей синхронную запись верещагинского дара кружев. Все ссылки на инвентарные номера кружевных изделий из принесенной в дар коллекции делаются Е.В. Брюхановой, вопреки ее собственному заявлению, не по первоначальной Книге поступлений 1880-х гг., но по гораздо более позднему документу (Книга №23), отразившему инвентаризацию музейного собрания в 1920-х гг. и передающему более ранние данные о его комплектовании в другом порядке, в иной форме и степени полноты и, к сожалению, с допущенными в процессе этой работы ошибками²⁹. Подчеркнем, что именно на этот довольно поздний и требующий крайне осторожного обращения источник, и ни на какой другой, опирается исследовательница, когда упоминает о «старых Книгах». Но и документ 1920-х гг., как под- робен будет сказано ниже, выдумки автора не подтверждает.

Начнем с заявления Е.В. Брюхановой о том, что кружева от Верещагина поступали в Ростовский музей в разное время, не только в 1888, но и в 1887 г., «о чем есть (якобы – Е.К.) запись в книге поступлений» (утверждение без ссылки на источник)³⁰. На самом деле, никаких свидетельств о поступлении сюда льняных или комбинированных по материалу кружев как самостоятельных экспонатов от начала существования музея и до времени, когда состоялся дар Верещагина (4 июля 1888 г.), ни в первоначальных Книгах, ни в каких-либо из позднейших документов или публикаций не зафиксировано. Не отмечен ранее первого пребывания Верещагина в Ростове в январе-феврале 1888 г. и факт собирания в Ростовском музее кружев из других материалов, например, металлических. Это обстоятельство ставит, казалось бы, немаловажный для историка прикладного искусства, особенно работающего в Ростовском музее, вопрос о приоритетной роли В.В. Верещагина как инициатора в деле формирования ростовского музейного собрания кружевных изделий. Для нас же сейчас важно подчеркнуть, что заявление о поступлении кружев от В.В. Верещагина в Ростовский музей уже в 1887 г. является откровенной фальсификацией. Сама же ее смелость в рассматриваемой статье свидетельствует еще об одном из многочисленных пробелов в знании Е.В. Брюхановой биографии художника, в данном случае, его тогдашнего маршрута (из Парижа, через Лондон, Петербург и Москву) в Ростов и точной даты первого его сюда приезда – ранним утром 28 или, скорее, 29 декабря 1887 г. по старому стилю, т.е. 9 или 10 января 1888 г. – по новому³¹. Это несомненное обстоятельство, неизвестное исследовательнице, априори ставит ее перед одним из двух неизбежных и одинаково неправдоподобных выводов. Первый из них заключался бы в том, что за четыре, или, скорее, три дня пребывания своего в Ростове в 1887 г. (по старому стилю), посвященных сначала, после бессонной ночи в московском поезде, обустройству художника и его жены в доме

сестры И.А. Шлякова А.А. Храниловой на Калмыцкой улице, затем – знакомству со здешним кремлем и музеем, тяжело, по собственному свидетельству, уставший и замерзший с дальней дороги «почти прямо из Парижа», полубольной Верещагин, отказавшийся по этой причине вечером 29 декабря от визита вежливости к А.А. Титову, успел не только использовать два оставшихся до Нового года дня на приобретение в незнакомом ему городе кружев, но и передать их в дар, с оформлением в Книге поступлений того же 1887 г. (где эта запись отсутствует). Второй вытекающий из того же ложного посыла возможный и столь же неправдоподобный вывод: кружева, часть которых сама исследовательница «склонна (цитируем с соблюдением особенностей правописания автора) отнести к Ростовским, подразумевая под этим не только сам Ростов, но и ростовский уезд», приобретены где-то по маршруту следования художника в этот уезд из Парижа – если не в самой столице Франции, то в Лондоне, Петербурге или Москве (последнее на с. 158 специалисткой по кружевоплетению не исключается). Или, может быть, кружева, приобретенные, по версии исследовательницы, в новгородском городке Череповце («на родине в Вологодской области»), где он давным-давно не бывал, вместе с плетением кружевиц из окрестностей Ростова, куда он только что впервые приехал, специально привезены сюда, как суп в монологе Хлестакова, «прямо из Парижа» (с заездом на Британские острова)? Но и в этом случае камнем преткновения останется отсутствие в первоначальных документах, равно как и в позднейших источниках, «измечтанных» Е.В. Брюхановой записей 1887 г. в воображаемых ею «Книгах». В той же самой ее статье, в аннотациях к репродукциям сохранившихся восьми из десяти вещей верещагинского дара читается восемь раз повторенный непеременимый пункт: «Пост. в 1888 г. в дар от В.В. Верещагина»³². Возникает, впрочем, вполне риторический, вопрос к автору статьи: означает ли это, что утраченные и списанные впоследствии два или три экспоната (о противоречивых сведениях разных источников по поводу их числа см. ниже), в отличие от остальных, поступили в музей от Верещагина не в 1888, а в 1887 г.? Если это так, то на основании каких документов делается этот вывод?

«Старые книги поступлений, – сообщает далее исследовательница с неконкретными ссылками на «Книги 1883-1887 гг. и 1888 г.», – свидетельствуют о поступлении не десяти, но одиннадцати предметов вышивки и кружева» (имеется в виду от В.В. Верещагина – Е.В.)³³ В ответ на этот пассаж приведем для начала неизвестную Е.В. Брюхановой подлинную, синхронную и с точностью до одного дня датированную запись в действительно «старой» первоначальной Книге, сделанную в тот же самый день, когда подаренная коллекция вместе с соответствующим письмом к И. А. Шлякову, содержащим сообще-

ние об этом даре, была отправлена В.В. Верещагиным из дома Мясниковых на Ишне (в окрестностях Ростова) с посыльным в Белую палату. В этой Книге на Л. 41 (об.) читается датированная, как и указанное письмо, **4 июля 1888 г.** запись под инвентарным номером 4947: «10 кружевных узоров старинных, некоторые из них расшиты цветными шелками. От Василия Васильевича Верещагина»³⁴. Таким образом, неизвестный Е.В. Брюхановой документ недвусмысленно фиксирует факт единоразового, одновременного вклада художником коллекции кружев в ростовское музейное собрание 4 июля 1888 г. Несмотря на лапидарность текста, запись под единым инвентарным номером коллекции «кружевных узоров старинных» достаточно содержательна. Здесь называется их точное число, выделяются «некоторые» изделия, выполненные с использованием «цветных шелков». Все принятые в дар экспонаты названы недвусмысленно «кружевными узорами», а не предметами того или иного бытового предназначения, украшенными кружевом. Эти сведения подтверждаются дошедшими в большинстве своем до наших дней кружевами из верещагинского дара 1888 г., инвентарными описаниями утраченных, а также современными их поступлению в Ростовский музей и позднейшими печатными и письменными источниками. Один из них, важнейший и первый по времени, – публикация И.А. Шлякова 1888 г. в ЯГВ – Е.В. Брюхановой проигнорирован³⁵. Благодаря этому ей удастся избежать работы по анализу несоответствия между свидетельствами самого И.А. Шлякова и одним позднейшим, противоречащим им документом³⁶. Дело в том, что в вышеназванной публикации хранителя Ростовского музея, лично принимавшего этот дар, как и в процитированной составленной им же инвентарной записи от 4 июля 1888 г. в первоначальной Книге поступлений, содержится одинаковая количественная характеристика подаренного – 10 предметов. Они-то и составили ту самую, позже печатно упомянутую Шляковым «довольно значительную коллекцию собранных им (Верещагиным – Е.К.) старинных кружевных тканей», принесенную художником дар Ростовскому музею³⁷. Остановимся подробнее на утверждении Е.В. Брюхановой о наличии в подаренной коллекции не десяти, но одиннадцати образцов кружев. Вопреки заявлению исследовательницы, «запись об этом читается» отнюдь не в первоначальном документе, но в составленной почти 40 лет спустя Книге 1920-х гг., отражающей проводившуюся в то время инвентаризацию музейного собрания, и, подчеркнем это еще раз, отличающейся неточностями и прямыми ошибками³⁸. Здесь все кружева из верещагинского дара, включенного в музейное собрание в 1888 г. под одним номером, «расписаны» на 10 самостоятельных новых номеров (соответственно с реальным числом предметов в коллекции), с довольно подробными описаниями каждого из них, с неременной всякий раз

записью, фиксирующей происхождение («Дар В.В. Верещагина») и со ссылкой на первоначальный «шляковский» общий их инвентарный номер (4947). При этом в Книге 1920-х была сделана или ошибочная запись под одним и тем же новым номером (88/9) двух схожих, судя по их описаниям, кружевных изделий, одно из которых не имело отношения к верещагинскому дару, или ошибочно дважды записан с одинаковым номером один и тот же экспонат³⁹. Так или иначе, в результате этой ошибки создавалось впечатление, что коллекция, подаренная Верещагиным, состояла не из десяти, но из одиннадцати «образцов», а принимавший ее музейный хранитель с многолетним, к тому же бухгалтерским опытом И.А. Шляков умел считать лишь на единицы, не поднимаясь в своем умении до второго десятка. Мог быть сделан еще и другой вывод – о более раннем, чем 4 июля 1888 г., или позднейшем вкладе художником еще одного, одиннадцатого, кружевного изделия, записанного в «старых» Книгах поступлений под каким-то другим номером. Впрочем, составителями инвентарной Книги 1920-х гг. вскоре была обнаружена собственная их ошибка, и в 1929 г. запись здесь второго экспоната за номером 88/9 как не имевшего никакого отношения к верещагинскому дару или вовсе не существовавшего, была официально дезавуирована с пометой, что этот номер «изъят по акту»⁴⁰. Существенное при этом значение имеет тот факт, что упоминание об этом кружеве отсутствует в общем списке утраченных предметов, составленном при инвентаризации 1929 г. – документе, также оставшемся неизвестным Е.В. Брюхановой⁴¹.

Опираясь на ограниченный круг источников и некритически их воспринимающая, исследовательница до сих пор уверена в существовании некогда одиннадцатого экспоната – этого «поручика Кижэ» кружевной коллекции, принесенной в дар Верещагиным. В результате проделанной нами (вместо Е.В. Брюхановой) довольно трудоемкой работы по тщательному просмотру первоначальных инвентарных книг, содержащих в себе, начиная с 1883 г., синхронные записи о поступлениях нескольких тысяч экспонатов, выявить какой-либо другой «кружевной» дар Верещагина – целой коллекции или отдельных кружев – не удалось. Сведения о других кружевных верещагинских дарах отсутствуют как в более ранней, так и в позднейшей переписке художника с хранителем Ростовского музея, где неоднократно упоминаются кружева, но в совершенно ином, можно сказать, противоположном контексте – фиксирующем приобретения их Шляковым для коллекции Верещагина или для украшения его дома в Нижних Котлах⁴². Может быть, (лучше поздно, чем никогда) Е.В. Брюханова, в защиту своей версии, не потаит и сообщит, с конкретной ссылкой на синхронный источник, вероятно, известные только ей данные о факте и времени по-

ступления от В.В. Верещагина в Ростовский музей одиннадцатого кружевного изделия?

Кружева, подаренные художником в Ростовский музей церковных древностей, в дальнейшем экспонировались здесь много лет. Об этом свидетельствует (еще одно обстоятельство, обойденное в рассматриваемой статье) Путеводитель по музею 1911 г., в котором они упомянуты как выставленные в одной из витрин во второй комнате т.н. Княжьих теремов «Кружевные узоры – 4947»⁴³. Впоследствии два (а не три) экспоната из этой коллекции были списаны⁴⁴. Восемь остальных дошли до нашего времени и хранятся в собрании ГМЗ «Ростовский кремль»⁴⁵.

В конце 1891 г., после окончания трехлетнего турне персональной выставки Верещагина по городам США, вместе с собственными живописными произведениями и крупным собранием предметов старины, быта и народного искусства разных стран, художник выставит на аукционную распродажу в Нью-Йорке и свою внушительную «русскую коллекцию». В англоязычном аукционном каталоге, им самим составленном, обозначено, в частности, 39 лотов с 55 русскими кружевными «образцами»⁴⁶. За исключением трех предложенных на продажу предметов бытового назначения – одного «полотенца с кружевным бордюром» (№ 661) и выставленного в двух экземплярах «длинного полотна с кружевными концами» (№ 698, 701), все остальные лоты содержат собственно кружева, а не изделия, ими украшенные. В написанной Верещагиным аннотации к разделу «Russian Dress Fabrics, etc.» того же каталога читается текст, принципиально важный как для эстетической оценки художником отечественного кружева, так и для характеристики собственной выставленной на аукцион его коллекции: «Кружева из ниток, шелка, золотых и серебряных нитей, позументы, много кусков кружев прекрасной ручной работы, вышитые льном и цветным шелком, взятые с полотенец, покрывал и других предметов. Образцы искусства этого вида очень характерны и интересны»⁴⁷.

В каталожном представлении предлагаемых на аукцион лотов (от одного до шести предметов в каждом) выделены «металлическое» кружево («metal lace» № 648, 6 кусков), отдельно – «проволочное» («wire lace» № 665, 5 кусков), «льняное» («linen lace» № 671, 672), отдельно – «нитяное» («piece of white thread lace» № 702, 703), «вышитое» («lace embroidery» № 655, 2 куска), «с шелковой вышивкой» («lace with silk embroidery» № 659) «с цветной шелковой работой» («with colored silk work» № 678), «вышитое шелком» («lace, embroidered in silk» № 705), «с шелковыми вставками» («lace with silk insertion» № 664, 3 куска; №№ 687 и 706 – одному), «черное, зеленое и других цветов» («lace, black, green, etc.» № 670, 4 куска). В семи случаях определение лотов в каталоге крайне лапидарно: просто «кружево»

или «кусоч кружева», в одном – «неоконченное кружевное полотно» (№ 708). Из контекста описаний этих семи лотов очевидно, что речь идет о белых льняных кружевах, не содержащих в себе вышивок шелком или шелковых вставок. Таким образом, в аукционном каталоге Верещагиным даются в разной степени конкретности, определения кружевных изделий, в основном по использованному в них материалу. При конкретном упоминании цветных кружев, другие характеристики, в частности, материала, наличия или отсутствия шелковых вставок и т.д., уже не приводятся. То же самое следует сказать о тех редких случаях, когда, минуя сведения о материале и цвете, Верещагин дает лишь характеристику кружевного узора.

Василий Васильевич явно не владеет специальной терминологией, тем более, на чужом языке, чтобы определить хотя бы один раз особенности «чистого», лишённого предметных мотивов, растительного орнамента. Что касается сведений об изобразительных («сюжетных») мотивах, то они определяются или крайне обобщенно (кружево «с фигурами» № 676), или, правда, всего в пяти случаях, вполне определенно: кружева «с фигурами, деревьями и храмом» (№ 700), «с русским орлом» (№ 699), «с орлом» (№ 713), «с цветным павлином» (№ 712, 714).

В целом, «кружевной» раздел в англоязычном нью-йоркском аукционном каталоге 1891 г. представляет собой, хотя и довольно бессистемное, но единственное в своем роде, совершенно уникальное и весьма ценное для историка прикладного искусства описание этой части верещагинской коллекции, составленное самим владельцем⁴⁸. Факт незнакомства Е.В. Брюхановой с опубликованным еще в позапрошлом веке изданием, впрочем, давно ставшим раритетным и сохранившимся в России в немногих экземплярах, говорит сам за себя. Между тем анализ сообщаемых здесь сведений, при сравнении с восьмью имеющимися в Ростовском музее и двумя утраченными здесь же, но известными по довольно подробным описаниям 1920-х гг. кружевами верещагинского дара, мог бы привести к небезынтересным результатам и выводам.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что первым из названных Верещагиным источников происхождения льняных и комбинированных по материалу кружев, выставленных на аукцион, были полотенца (см. выше). Соответственно, коллекция, подаренная им в музей, целиком состояла из кружевных изделий того же происхождения – девяти «концов» и одной «прошивки», «взятых» все с тех же полотенец. Бросаются также в глаза и случаи совпадения в сочетании материалов в части кружев, попавших на аукцион и, соответственно, в музей. Показательно сопоставление двух этих коллекций по отношению к кружевным концам полотенец **с цветными шелковыми вставками** (в виде горизонтальных лент). Эти изделия числен-

но составляли более чем половину верещагинского дара (6 предметов из 10). Пять из них сохранились⁴⁹. На аукционе, согласно каталогу, на продажу в трех лотах были выставлены пять подобных кружев «с шелковыми вставками» (№ 664 – «три куска»; 687 и 706 – по одному)⁵⁰. Количественная разница, сравнительно с их музейными дубликатами, на один экспонат формально может быть объяснена его отсутствием на аукционе. Однако не исключено, в соответствии с вышеназванными особенностями рассматриваемого источника, что в аукционном каталоге «недостающее» шестое кружево этого типа определялось по какому-то другому признаку, например, по наличию не названных конкретно «фигур» в кружевном узоре (№ 667). Под этим номером, возможно, и был обозначен дубликат единственного в подаренной коллекции кружева с шелковыми вставками в сочетании с «фигурами», не имевший в музейном собрании парного экземпляра⁵¹. Это количественное совпадение приводит к выводу, что выставленные на аукцион чрезвычайно эффектные кружева с шелковыми вставками разных цветов представляли собой дубликаты изделий, подаренных Верещагиным в Ростовский музей⁵².

Не менее показательное подобное сопоставление музейной и аукционной коллекций по другому типу кружев – выполненных с использованием цветных шелковых нитей. Таких в верещагинском даре было всего два. Одно из них дошло до наших дней и по прежнему хранится в собрании тканей ГМЗ «Ростовский кремль» (Т-436)⁵³. Это конец полотенца, датируемого второй половиной XIX в., с «фигурной» композицией в кружевном узоре (здание в центре, с вписанными в него, симметрично расположенными по сторонам окна двумя женскими фигурами и фланкирующими здание двумя развернутыми к центру павами с распущенными хвостами), в плетении которого использованы «льняные и шелковые нити кремового и коричневого цвета»⁵⁴. О втором кружеве этого типа, к сожалению, утраченном, уже упоминалось, подробнее о нем мы скажем в своем месте⁵⁵. Аукционные дубликаты того и другого вероятно искать среди упомянутых трех лотов кружев «с шелковой вышивкой», «вышитыми шелком» и «цветной шелковой работы» (по одному в № 659, 705, 678). Очевидно, кружева этого типа были весьма редки на тогдашнем антикварном рынке, если лишь два из них вошли в подаренную коллекцию, а в аукционном каталоге зафиксировано всего три такие изделия. В итоге, имеется возможность сделать вывод о наличии на аукционе по крайней мере семи или восьми из десяти дубликатных по отношению к музейным кружев. Из немногих, к сожалению, в каталоге определений кружева по предметным мотивам в узоре, на наш взгляд, можно предположить парность еще одного из выставленных на продажу двух кружев, по определению, Верещагина «с цветным павлином» (№ 712, 714) по отношению к подаренному им в

Ростовский музей и сохранившемся до наших дней концу «полотенца, шитого по филе белой ниткой и желтой, голубой, красноватой и зеленой шерстью» с голубой птицей с красным хохолком (Т-516)⁵⁶. «Птицу» Ростовского музея, единственного в подаренной коллекции изделия, выполненного белой ниткой и цветной шерстью, можно также соотнести с одним из двух изделий (№ 655 «два куса»), определяемыми просто как «вышитое кружево» без указания на шелковые вставки и материал нитей.

Возможно на будущее, что более тщательный анализ каталожного материала, проделанный добросовестным и серьезным специалистом по кружеву, смог бы дополнить либо уточнить сделанные в настоящей статье конкретные выводы. Но представив впервые и предварительно проанализировав этот забытый, интересный и уникальный сам по себе источник, теснейшим образом связанный с изучением коллекции кружев, подаренной В.В. Верещагиным в Ростовский музей, мы считаем свою задачу выполненной. В настоящее время мы не располагаем данными о том, как была оценена и насколько успешно распродана в Нью-Йорке «кружевная часть» огромной (449 лотов, около 1000 предметов) его «русской коллекции» церковного и народного прикладного искусства⁵⁷.

Как один из основополагающих документов по истории верещагинского дара, Е.В. Брюхановой цитируется, со ссылкой на соответствующий фонд ГАЯО, но без указания на место отправления, письмо В.В. Верещагина к И.А. Шлякову, датированное, по заверению исследовательницы, 4 июня 1888 г.⁵⁸ Обратившись к подлинникам верещагинских писем, хранящихся в этом архиве, мы вынуждены констатировать, что верещагинского письма названному адресату с такой датой в природе не существует. После отправленного в Ростов из Ярославля 26 мая 1888 г., следующее его датированное письмо Шлякову относится к 15 июня того же года⁵⁹. Здесь мы не в первый и, увы, не в последний раз в статьях указанного автора сталкиваемся с искаженными датировками документов⁶⁰. На самом деле, процитированное Е.В. Брюхановой письмо относится не к 4 июня, когда Василий Васильевич находился еще в Ярославле, а к 4 июля 1888 г.⁶¹ Как уже отмечалось выше, оно было отправлено к хранителю Ростовского музея вместе с приносимыми в дар кружевами из дома Мясниковых «на Ишне» в окрестностях Ростова, где Верещагин уже более недели жил, переехав сюда из Ярославля и разбирая новоприобретенную часть своей коллекции старины перед отправкою ее из России через Париж в Нью-Йорк. Эта, казалось бы, не особенно важная, сравнительно с другими, ошибка исследовательницы («месяцем раньше, месяцем – позже!»), на самом деле, ставит приводимые в письме сведения в совершенно ложный контекст, искажающий не только историю верещагинского дара, но и картину

жизни и работы художника в Ярославле и Ростове, его взаимоотношений, в том числе творческих, с И.А. Шляковым⁶².

В связи с этим документом принципиальное и решительное возражение вызывает давняя и порочная, с точки зрения текстологии, практика Е.В. Брюхановой, заключающаяся в намеренно обрывочном цитировании неопубликованных архивных источников, искажающем их содержание. В свое время мы уже приводили показательный пример смело совершенного ею «обрезания» текста с явной целью «редактирования» его смысла в желательном для себя направлении⁶³. В данном случае, не довольствуясь ложной датой указанного письма к И.А. Шлякову от 4 июля 1888 г., исследовательница также приводит намеренно «урезанную» из него цитату. Сравним «выхолощенный» с помощью этого приема пассаж в ее статье с подлинным текстом, действительно, одного из важнейших для рассматриваемой темы источника. «Нужно отметить, – читаем у Е.В. Брюхановой, – что, одаривая, В.В. Верещагин был очень скромн, и в письме И.А. Шлякову от 4 июня (правильно 4 июля – Е.К.) 1888 г. замечал: «...посылаю Вам 10 образцов кружева из тех, что были у меня в 2-х экземплярах, но прошу Вас не писать, что получили от меня»⁶⁴. Как же на самом деле выглядит в подлиннике верещагинская фраза, приведенная здесь, начиная с троеточия? Протицируем ее целиком по подлиннику: «Чтобы музей ничего не потерял от архиерейского запрещения, посылаю Вам 10 образцов кружева из тех, что были у меня в 2-х экземплярах, но прошу Вас не писать, что получили от меня»⁶⁵. Таким образом, из письма дарителя изымается та часть текста, которая не более и не менее как объясняет непосредственную причину, подвигшую Василия Васильевича на этот дар – недурно для статьи, специально этому дару посвященной! Изъятые Е.В. Брюхановой при цитировании (как требующие серьезного знания источников и «слишком» трудоемкого исследования), слова об «архиерейском запрещении», на самом деле, весьма содержательны и являются ключевыми к проблеме, касающейся места происхождения подаренных кружев или, по крайней мере, части из них. Упомянутое в письме от 4 июля 1888 г. «архиерейское запрещение» находит простое и убедительное объяснение при сравнении этого документа с рядом других, оставшихся неизвестным нашему автору и относящихся к поездке Верещагина в первой декаде мая 1888 г. из Ярославля «на Унжу», с посещением Костромы, Макарьево-Унженского монастыря и Юрьевца⁶⁶. «Архиерейское запрещение» – это читающееся в хранящемся в ОР ГТГ неопубликованном письме на имя художника от 10 мая 1888 г. епископа Костромского и Галичского Александра (Кульчицкого) вежливо, но твердо выраженное требование соблюдать порядок в официальном оформлении документов на передачу Ростовскому музею предметов старины при вывозе их

из церквей управляемой им епархии⁶⁷. Собственно говоря, «запрещением» это требование было не в адрес музея, но по отношению к самому Василию Васильевичу, вероятно, излишне широко и свободно использовавшему в своей поездке по Костромской епархии «музейный мандат» для пополнения собственной коллекции. Иначе никак нельзя объяснить связь «архиерейского запрещения» с подаренной в музей частью верещагинской коллекции кружевных концов от полотенец, которыми как вкладышами богомольцев изобиловали тогда многие церкви. Напомним, что М.И. Семевский, посетивший Верещагина в Ярославле спустя две недели после его возвращения из этой поездки, нашел у него «целый музей» разнообразных вещей, хранившихся в двух комнатах на антресолях Кокуевской гостиницы⁶⁸, приобретенных, впрочем, не только в городах Костромской епархии, но и на ярославском антикварном рынке. Ввиду добрых отношений, сложившихся с костромским архиереем, Василий Васильевич не был заинтересован в разглашении сведений о своем собирании кружев в его епархии и о подаренной в музей их части. Последним обстоятельством и объясняется просьба В.В. Верещагина к И.А. Шлякову «не писать» – не упоминать его имя как дарителя. Опытный музейный хранитель хорошо понял мотивы этой просьбы, и в ближайшем отчете о работе Ростовского музея, опубликованном в ЯГВ 15 августа 1888 г., назвал поступившую сюда от Верещагина коллекцию кружев даром «неизвестного лица»⁶⁹. Столь же не случайно, в более поздней (1890 г.) публикации того же отчета он прямо называет фамилию Верещагина, т.к. епископа Александра к тому времени давно уже не было в живых⁷⁰.

В статье Е.В. Брюхановой цитируется также письмо В.В. Верещагина, отправленное из Москвы и содержащее просьбу к И.А. Шлякову купить несколько изделий с кружевами в Ярославле⁷¹. Это письмо датируется исследовательницей 8 октября 1891 г. Обращение к подлинникам писем художника этого периода показывает, что датировка и на сей раз является ложной. Письмо от названного числа действительно существует, но не содержит в себе процитированный текст⁷². На самом деле, речь о кружевах идет в другом письме, отправленном двумя днями раньше, 6 октября 1891 г.⁷³ Это отнюдь не мелкая ошибка, т.к. перед нами очередное проявление, помимо поразительной небрежности, порочного метода «выдергивания» отдельных документов и осмысления их вне контекста единого корпуса эпистолярных источников – письмо, действительно написанное 8 октября 1891 г., представляет собой продолжение отосланного тому же адресату днем раньше и составляет вместе с ним единое содержательное целое, не имеющее отношения к покупке кружев.

Непонятное в своей систематичности болезненно-постоянное искажение дат продолжается буквально на той же странице рассмат-

риваемой статьи, где упоминается и цитируется еще одно письмо с датировкой 25 октября 1891 г., в действительности написанное два месяца (!) спустя – 25 декабря⁷⁴. Заметим кстати, что письма Верещагина к Шлякову от 25 октября 1891 г. вообще не существует.

Но это еще не все. При обращении к цитируемому Е.В. Брюхановой отрывку из эпистолярного источника читателя ее статьи ждет воистину ошеломительный сюрприз – текст письма в рамках цитаты без церемоний отредактирован и искажен в направлении авторской концепции и, в результате, получил противоположный по отношению к подлиннику смысл! Приводим этот текст «в редакции» Е.В. Брюхановой: «Кружева я рассмотрел милый друг – тонкой работы, между ними несколько, орнамент в которых очень хорош – приятно смотреть на них!»⁷⁵ В результате получается, что «несколько» присланных художнику Шляковым кружев отличались особой тонкостью работы и, одновременно, интересным орнаментом, в результате чего их эстетический уровень оставил «приятное» впечатление у созерцавшего их художника. Это же место в «неотредактированном» виде в подлиннике письма В.В. Верещагина читается следующим образом: «Кружева я рассмотрел, милый друг, тонкой работы между ними нет, но орнамент в некоторых очень хорош, приятно смотреть на них!» Итак, согласно подлиннику, кружев «тонкой работы» Василий Васильевич от своего ростовского друга вообще не получал, но некоторые из присланных изделий понравились ему из-за «хорошего» (редкого или интересного по мотивам) орнамента. Это обстоятельство подтверждает и оставшийся неизвестным Е.В. Брюхановой ответ на процитированное письмо, отправленный из Ростова в Нижние Котлы И.А. Шляковым шесть дней спустя – 31 декабря 1891 г., в котором, в частности, сказано: «В купленных мною для Вас кружевах орнамент на некоторых действительно хорош, например на одном из них грифоны, кони и львы – просто – роскошь... так вот и хотелось мне с этого кружевного конца зарисовать себе на память, который орнамент мне пригодился бы, как прекрасный образец для резьбы при постройке – например деревенской избы в русском стиле... Конечно, когда я выбирал у Маслениковой эти кружева – я хорошо понимал, что с более тонким узором нужно бы было для Вас взять (но делать нечего) должен был примириться мыслями ограничиться и настоящим, да едва ли из старинных кружев и возможно будет отыскать более тонкий узор в рисунке...»⁷⁶ Впрочем, грубо искаженный Е.В. Брюхановой текст из письма В.В. Верещагина 1891 г., не имеет никакого отношения к подаренной им в Ростовский музей коллекции. То же самое следует сказать и о нескольких других документах, цитирование которых призвано подменить собой отсутствие так и не выявленных в ее статье фактов, касающихся места происхождения, времени собирания и

поступления в музей верещагинского дара, равно как и действительного количества входивших в него кружев.

Представляя читателю состоящую из восьми изделий сохранившуюся часть коллекции, автор статьи со столь четко «нацеленным» названием не сочла нужным дать характеристику двух утраченных кружев из верещагинского дара. Между тем в многократно упоминавшемся документе 1920-х гг. читаются их описания, хотя и достаточно краткие, но, по крайней мере, мало чем уступающие по объему и количеству позиций, сделанным самой Е.В. Брюхановой на доступном сейчас материале. Эти описания в значительной мере дают возможность представить себе технологию изготовления, характер узора и, отчасти, цвет. Первое из не дошедших до нас кружев (цитируем) – «конец полотенца с кружевами сплет. по скалкам, сост. из 4 полос. 1. Узкая полоска шелка разрисован. прямыми листьями. 2. Широкая полоса кружев. Узор: розетка и 7 лепестков (8-я ножка) по фонам два павлина с сильно распуц. хвост. 3. Узкая полоска шелка с волнообр. уз. 4. Кайма из круж. узор: 3 крупн. зубца»(0,38х<...> не читается)⁷⁷. Второе – прошивка к полотенцу, «вязаная по фону из мелких квадратиков, узор из ромбов и фигур, образованных из 2-х параллельных пересекающихся полос, узор расцвечен красной и темно-зеленой ниткой (8,5х35)»⁷⁸.

Разбираться в запутанном лабиринте смысловых лакун, сфальсифицированных источников и текстов, искаженных фактов, неверных дат, приблизительных представлений в статьях указанного автора – занятие, мягко говоря, малоприятное. Однако характер нашей текущей работы (подготавливаемое в НИИ РАХ диссертационное исследование «Верхне-Волжский цикл в биографии и творческом наследии В.В. Верещагина» и участие в подготовке совместного проекта ГМЗРК и ГАЯО по изданию переписки художника⁷⁹) настоятельно требует и, увы, еще потребует тщательной расчистки этих «авгиевых конюшен» наукоподобных текстов, без особых рефлексий имитирующих научно-исследовательскую деятельность.

На прошедших с 11-12 февраля 2004 г. во Всероссийском музее декоративного, прикладного и народного искусства в Москве «Десятих научных чтений памяти В.М. Василенко» – профессора Московского университета, выдающегося исследователя в этой области – Е.В. Брюхановой был озвучен во второй раз ранее уже прочитанный в ГМЗРК доклад «Коллекция кружев, принесенная в дар В.В. Верещагиным Ростовскому музею»⁸⁰, текст ее будущей статьи, напечатанной вскоре в ИКРЗ-2003 и являющейся предметом нашего критического исследования. Не исключено, что в очередном томе задерживающихся с выходом в свет василенковских «Чтений» будет

переиздан, если так можно выразиться, «на бис», этот насквозь недоброкачественный опус – очередной своеобразный вклад его автора в репутацию научно-исследовательской деятельности ГМЗ «Ростовский кремль».

**

- ¹ Брюханова Е.В. Коллекция кружев, принесенная в дар В.В. Верещагиным Ростовскому музею // ИКРЗ-2003. Ростов, 2004. С. 157-173.
- ² Многочисленные критические замечания по отношению к более ранним статьям Е.В. Брюхановой см.: Ким Е.В. Верещагин в Ростове (факты, гипотезы, домыслы) // СРМ-XVI. Ростов, 2006. С. 417, 421-422, 430, 431, 433, 438-442, 444-447, 457, 458, 459. Прим. 7, 13-14, 18-19, 21-23, 27-28, 30, 36, 39, 41-45, 51, 62, 85, 98-101, 120, 129, 133-134, 138, 141, 143, 146, 151, 172-173, 176, 180, 182, 186; того же автора. Очерк В.В. Верещагина «На этапе – дурные вести из Франции» (контексты литературно-художественного синтеза) // СРМ-XVII. Ростов, 2008. С. 134-137. Прим. 18, 36, 65.
- ³ Письмо П.Ф. Исееву 19 апреля / 1 мая 1879 г. из Парижа // В.В. Верещагин. Избранные письма. М., 1981. С. 94-95, 235.
- ⁴ Ким Е.В. В.В. Верещагин в Ростове Великом (неизвестные страницы биографии) // ИКРЗ-2006. Ростов, 2007. С. 320-321. В первый приезд художники в Ростов его интересовали как предмет коллекционирования, «буде найдется с художественным значением: серьги, цепочки, кресты, вышивки, кафели». Письмо В.В. Верещагина к И.А. Шлякову от 2 февраля 1888 г. ГАЯО. № 4 по временному списку Л.Г. и Е.Л. Гузановых. Вопрос, подразумевались ли под словом «вышивки» именно кружева, нуждается в дополнительном изучении.
- ⁵ Шульгина Е.Н., Пронина И.А. История Строгановского училища. 1825-1918. М., 2002. С. 118.
- ⁶ Приведем лишь два из нескольких подтверждающих это обстоятельство фактов. В письме В.В. Верещагина от 10/22 августа 1878 г. из Парижа к брату Александру Васильевичу, находившемуся в то время в Болгарии, содержится настоятельная просьба поддержать работу В.В. Стасова как исследователя народного орнамента «присылкою полотенец, преимущественно болгарских, так же как и вообще всяких узоров, какие доведется <...> собрать». Несколько месяцев спустя и сам В.В. Верещагин предпринимает попытку, хотя и безуспешную, пополнить в этом отношении коллекцию своего друга. В письме к В.В. Стасову от 10/ 22 января 1879 г. он сообщает: «Ничего также не купил из шитья и полотенец, ибо был только в Балканах, в местах разоренных». В.В. Верещагин Избранные письма... С. 78, 85, 230. В конце 1870-х гг. для себя Верещагин, кажется, ничего подобного еще не собирает, но художественная и научная ценность этих предметов, благодаря В.В. Стасову, ему была понятна уже тогда. Это отдельная и перспективная тема для исследователя прикладного искусства, касающаяся как истории русской эстетической мысли второй половины XIX в. в этой области вообще, так и деятельности В.В. Верещагина-коллекционера, в частности. С другой стороны, она представляет интерес при изучении определенного этапа генезиса т.н. «русского стиля» в художественной культуре того времени.
- ⁷ См. Illustrated Descriptive Catalogue of the Vassili Verestchagin collection on exhibition previously to be sold by auction. New York, 1891. P. 102-106; Ким Е.В. Верещагин в Ростове (факты, гипотезы, домыслы)... С. 434-435.
- ⁸ Золя Э. Дамское счастье. Собр. соч. в 26 томах. Т. 9. М., 1963. С. 302. Показательно, что действие романа, опубликованного отдельной книгой в 1883 г., относится, по заявлению автора, ко времени ранее 1870 г. Поэтому упоминание о моде на русское кружево в Париже до Всемирной Венской выставки

1873 г. является либо анахронизмом, которые Э. Золя, стремившийся к предельной «документальной точности в своем произведении», тщательно и принципиально старался избегать (Там же. С. 867-869), либо представляет собой новое и ценное свидетельство для истории этого вида русского прикладного искусства.

- ⁹ Очерки, наброски, воспоминания В.В. Верещагина. СПб., 1883. С. 128-130. Чернов А.В. Литературные пристрастия В.В. Верещагина // В.В. Верещагин. Мир, семья, война. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 161-й годовщине со дня рождения В.В. Верещагина и 125-летию окончания русско-турецкой кампании 1877-1878 гг. Череповец, 2004. Цит. по.: www.historia.ru/2003/04/chernov.htm. В исследовательской литературе поставлен вопрос не только о знакомстве Верещагина со статьями Э. Золя, посвященными современной живописи, но обоснована мысль о глубинной связи творческого метода французского писателя и русского художника как представителей «позитивизма» и натурализма в литературе и искусстве. См.: Верещагина А.Г. Некоторые современные проблемы изучения творчества В.В. Верещагина // Русское искусство Нового времени. М., 1993. С. 198, 203, 205, 209, 210-211, 214. Прим. 32-35.
- ¹⁰ Золя Э. Собр. соч. в 26 томах. Т. 9. С. 32.
- ¹¹ См. письмо В.В. Верещагина к И.А. Шлякову от 25 декабря 1891 г. ГАЯО. № 176 по временному списку Л.Г. и Е.Л. Гузановых.
- ¹² ГАЯО. № 15 по временному списку Л.Г. и Е.Л. Гузановых. Об интересовавших в это время Верещагина предметах прикладного искусства см.: Ким Е.В. В.В. Верещагин в Ростове Великом (неизвестные страницы биографии)... С. 327.
- ¹³ А.Р. Русское искусство в Париже // Санкт-Петербургские ведомости. 1888. 2 (14) апреля. № 92.
- ¹⁴ Catalogue illustre de l'exposition des oeuvres nouvelles de Vassili Vereschagin. Paris, 1888.
- ¹⁵ Exhibition of the works of Vassili Veresthagin. Illustrated Descriptive Catalogue. New York, 1888. P. 74-75. № 168-203.
- ¹⁶ Ibid. P. 75. № 191-193.
- ¹⁷ О приезде В.В. Верещагина на открытие осенней нью-йоркской выставки 1888 г., расширенной сравнительно с весенней парижской см.: Андреева В.В. Основные даты жизни и творчества В.В. Верещагина // Василий Васильевич Верещагин. 1842-1904. М., 1992. С. 44-45. О роли подлинных предметов прикладного искусства разных стран в «синтетическом» экспонировании верещагинских выставок подробнее см.: Ким Е.В. В.В. Верещагин в Ростове (факты, гипотезы, домыслы)... С.434-435,456. Прим. 109.
- ¹⁸ Подробнее об этом см. ниже.
- ¹⁹ Мак-Гахан В. Верещагин в Америке // Новости и биржевая газета. Изд. 1. 23 ноября 1888. № 324.
- ²⁰ Второй за 1888 г. приезд в Ростов, равно как и продлившееся целый месяц, с 26 июня по 25 июля включительно, пребывание Верещагина в этом городе, точнее, в пригородном доме Мясниковых «на Ишне», получившее прямое отражение в 17 (sic! – Е.К.) его письмах, отправленных из этого дома братьям Шляковым, оказались Е.В. Брюхановой «незамеченными». См. письма к И.А. Шлякову от 26 и 27 июня, 1, 2, 4 (два), 9, 11, 15 (два), 17, 19 (два), 20, 24 и 25 июля 1888 г.; письмо к Н.А. Шлякову от 6 июля 1888 г. ГАЯО. № 35-51 по временному списку Л.Г. и Е.Л. Гузановых.
- ²¹ Брюханова Е.В. Коллекция кружев... С. 163.
- ²² Там же. С. 158.
- ²³ См. прим. 66-70 и соответствующий им текст в настоящей статье.
- ²⁴ Верещагин В.В. Автобиография. 1893 г // В.В. Верещагин. К 150-летию ... С. 7. В состав Вологодской обл. Череповец вошел уже в советское время.

- 25 Голицин П.П. Родословная книга дворян Новгородской губернии. Новгород, 1910. С. 275-276.
- 26 Illustrated Descriptive Catalogue of the Vassili Verestchagin collection... Р. 102-106.
- 27 Брюханова Е.В. Коллекция кружев... С. 157.
- 28 Там же. С. 164.
- 29 ОФ ГМЗРК. Книга № 23. № Э83-7/1 – 924/ 113. 1920-е гг. Ср.: Ким Е.В. Произведения П.И. Петровичева в собрании Ростовского музея // ИКРЗ-2000. Ростов, 2001. С. 222, 229.
- 30 Брюханова Е.В. Коллекция кружев... С. 157.
- 31 Ким Е.В. В.В. Верещагин в Ростове (факты, гипотезы, домыслы)... С. 419-420, 451. Прим. 25-28, 30.
- 32 Брюханова Е.В. Коллекция кружев... С. 165-167, 169, 172-173.
- 33 Там же. С. 158.
- 34 ОФ ГМЗРК. Инвентарная опись Ростовского Государственного музея № 3. (3038-6185). Л. 41 (об). Документ представляет собой подлинную первоначальную Книгу поступлений Ростовского музея церковных древностей, начиная с 1885 г., с позднейшей, советского времени с надписью. Этот первостепенной важности документ Е.В. Брюхановой ни разу и нигде не использован. Об искажении исследовательницей даты сопровождавшего верещагинский дар письма см. ниже в тексте настоящей статьи.
- 35 Список пожертвований, поступивших в Хранилище при Ростовском Музее Церковных Древностей к 10 июля 1888 г. // ЯГВ. 15 августа 1888 г. С. 6.
- 36 ОФ ГМЗРК. Книга № 23... Ср.: Брюханова Е.В. Коллекция кружев... С. 157, 164. Прим. 4.
- 37 Шляков И.А. Отчет Ростовского Музея Церковных Древностей, находящегося в Белой Палате г. Ростова Ярославской губернии, за 1888 и 89 гг. М., 1890. С. 14.
- 38 ОФ ГМЗРК. Книга № 23... См. прим. 29 к настоящей статье.
- 39 Там же. Л. 10 об.-11; Л. 11 об.-12.
- 40 Там же. Л. 12. Трудно читаемый полустершийся текст после слова «изъят» разобран В.М. Уткиной, которой приношу искреннюю благодарность.
- 41 Отсутствие второго из двух кружев, записанных в Книге 1920-х гг. под одним номером 88/9, в музейном собрании было зафиксировано также Орденом № 907 (а не 31907, как утверждает Е.В. Брюханова) от 3.01.1952 г. Ср.: Брюханова Е.В. Коллекция кружев... С. 164. Прим. 8.
- 42 См. письмо В.В. Верещагина к И.А. Шлякову от 25 декабря 1891 г. ГАЯО. № 176 по временному списку Л.Г. и Е.Л. Гузановых; письмо И.А. Шлякова к В.В. Верещагину от 31 декабря 1891 г. ОР ГТГ. Ф. 17. № 1185.
- 43 [Богословский И.Н.] Путеводитель по Ростовскому музею церковных древностей. М., 1911. С. 82.
- 44 Списаны: 1. «Конец полотенца» (83-7/2); 2. «Прошивка вязаная» 88/9. Книга поступлений № 23. Э83-924. Л. 1 об.-2; 10 об.-11. По сообщению работавшей в Ростовском музее в 1950-1960 гг. Л.П. Толпыгиной, за которое приношу ей глубокую благодарность, тогда при списании тканей из собрания исключались или не обнаруженные, или пришедшие в совершенную ветхость предметы («просто тряпки»).
- 45 Брюханова Е.В. Коллекция кружев... С. 165-167, 169, 172-173.
- 46 Illustrated Descriptive Catalogue of the Vassili Verestchagin collection... Р. 103-106.
- 47 Ibid. Р. 102.
- 48 Ibid.
- 49 Брюханова Е.В. Коллекция кружев... С. 165, 166, 167, 169, 172.
- 50 Illustrated Descriptive Catalogue of the Vassili Verestchagin collection... Р. 104-105.
- 51 Конец полотенца с двумя шелковыми вставками и кружевом с «двумя павлинами с сильно распущенными хвостами». КП № 23. 1920-е гг. Л. 1 об.-2. № 83-7/2. Утрачен. Ордер № 1903 от 17/IX-1962. Сохранившееся в составе коллек-

ции (Т-438) еще одно кружево с подобной же вставкой и «фигурами» (две женщины на фоне дома, с фланкирующими дом развернутыми к центру двумя павами) имеют в музейном собрании соответствующую пару (Т-436), происходящую, по данным Е.В. Брюхановой, с того же полотенца, но со вставкой не из шелка, а хлопчатобумажной материи. Кроме того, кружево Т-436 плетено с использованием шелковых нитей – признак, позволявший Верещагину выделять такие изделия в особые группы. Брюханова Е.В. Коллекция кружев... С. 172. Ср. Illustrated Descriptive Catalogue of the Vassili Verestchagin collection... P. 106. № 712, 714.

⁵² Брюханова Е.В. Коллекция кружев... С. 172.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 162-163, 172, рис. 9. «Парным», происходящим с «одного полотенца» и «полностью идентичным» этому (Т-436) кружеву, по собственной ее датировке – второй половины XIX в., Е.В. Брюханова считает кружевной конец, выполненный несколькими десятилетиями ранее. Возникает вопрос, в чем же, не говоря уже о различии во времени создания, заключается их «полнота идентичности» и доказательство единого происхождения, если первое из этих изделий имеет широкую белую хлопчатобумажную вставку, а второе – вставку из «шелковой ткани кремового цвета», если в первом, использованы, наряду с льняными, «шелковые нити кремового и коричневого цвета», а во втором последние не зафиксированы?

⁵⁵ См. ниже.

⁵⁶ Брюханова Е.В. Коллекция кружев... С. 173.

⁵⁷ Итоги этого аукциона – тема практически неизученная. Имеющиеся данные, прямые и косвенные, позволяют судить об этом лишь по отношению к некоторым картинам, попавшим в американские собрания. См., напр. Лебедев А.К. В.В. Верещагин. Жизнь и творчество. М., 1972. С. 134; Андреева В.В. Основные даты жизни и творчества В.В. Верещагина... С. 45; Верещагина А.Г. Место картин на евангельские сюжеты в русской живописи второй половины XIX в. // Русское искусство Нового времени. М., 1996. С. 134; Ким Е.В. В.В. Верещагин в Ростове (факты, гипотезы, домыслы)... С. 435, 456. Прим. 115, 116. На одном из известных нам экземпляров нью-йоркского аукционного каталога 1891 г. сохранились сделанные от руки пометы с ценами лотов или итоговых цен их продаж, но они так же относятся лишь к произведениям живописи.

⁵⁸ Брюханова Е.В. Коллекция кружев... С. 157.

⁵⁹ ГАЯО. № 30, 32 по временному списку Л.Г. и Е.Л. Гузановых.

⁶⁰ Ким Е.В. Верещагин в Ростове (факты, гипотезы, домыслы)... С. 421, 452. Прим. 39-40. С. 453. Прим. 62 и др.

⁶¹ ГАЯО. № 39 по временному списку Л.Г. и Е.Л. Гузановых.

⁶² Подробнее см.: Ким Е.В. В.В. Верещагин в Ростове (факты, гипотезы, домыслы)... С. 431-432; того же автора. Ярославский церковный интерьер... С. 126, 133, 137. Прим. 26, 32.

⁶³ Ким Е.В. Верещагин в Ростове (факты, гипотезы, домыслы)... С. 426, 453. Прим. 62.

⁶⁴ Брюханова Е.В. Коллекция кружев... С. 157.

⁶⁵ ГАЯО. № 39 по временному списку Л.Г. и Е.Л. Гузановых.

⁶⁶ Ким Е.В. Ярославский церковный интерьер... С. 126.

⁶⁷ ОР ГТГ. Ф. 17. № 443.

⁶⁸ Семевский М.И. Путевые очерки, заметки и наброски. Поездка по России в 1888 г. V. Ярославль // Русская старина. Т. LXIV. Кн. X. Октябрь. С. 204-205.

⁶⁹ Текст И.А. Шлякова, опубликованный в ЯГВ 15 августа 1888 г. (№ 68) «От неизвестного. 10 кусков старинных кружев, из коих некоторые расшиты цветными шелками», представляет собой «отредактированную», по просьбе дарителя, запись в Книге поступлений от 4 июля того же года.

- ⁷⁰ Еп. Александр (Кульчицкий) скончался на Костромской кафедре 16 декабря 1888 г. Русский паломник. 1889. № 1. С. 15. Об этом выдающемся иерархе, почетном члене Ростовского музея церковных древностей, внесшим свой вклад в его коллекцию, см.: Ким Е.[В.] «Просвещенный ревнитель» (продолжение следует). Ростовская старина. № 120. Ростовский вестник. 29 марта 2005. Подробнее об этом см.: Ким Е.В. Епископ Александр (Кульчицкий) и Ростовский музей. В печати. Литературу о еп. Александре см.: www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_163. В этой библиографии не учтены сведения о его связи с Ростовским музеем, а также работа: Жизнеописание преосвященного епископа Александра (Кульчицкого). Составила Вера Королева. Свет Православия в Казахстане. 2007. №7 (141). С. 20-24.
- ⁷¹ Брюханова Е.В. Коллекция кружев... С. 158.
- ⁷² ГАЯО. № 155 повременному списку Л.Г. и Е.Л. Гузановых.
- ⁷³ Там же. № 153.
- ⁷⁴ Там же. № 176.
- ⁷⁵ Брюханова Е.В. Коллекция кружев... С. 158.
- ⁷⁶ ОР ГТГ. Ф. 17. № 1185.
- ⁷⁷ 83-7/2. Книга № 23... Л. 1 об.-2.
- ⁷⁸ 88/9. Там же. Л. 11 об.-12.
- ⁷⁹ См. Ким Е.В. Переписка В.В. Верещагина 1880-1900-х гг. (издательский проект – научно-исследовательские аспекты). В печати.
- ⁸⁰ Программа конференции. Архив картинной галереи.